

Ника Томина

ИЗМЕНА
ТЫ ПОЖАЛЕЕШЬ

Ника Томина

Измена. Ты пожалеешь

«Автор»

2026

Томина Н.

Измена. Ты пожалеешь / Н. Томина — «Автор», 2026

Муж изменяет мне, пока я в декрете с маленьким сыном! Он отдал своей любовнице все наши деньги! Наш общий дом принадлежит теперь только ему одному! Но хуже всего то, что он хочет отобрать у меня дело всей моей жизни, а я ничего не могу с этим сделать, ведь передо мной стоит выбор: либо оно, либо мужчина мечты.

© Томина Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	25
Глава 10	27
Глава 11	29
Глава 12	31
Глава 13. Игорь	34
Глава 14	36
Глава 15	38
Глава 16	40
Глава 17	42
Глава 18	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ника Томина

Измена. Ты пожалеешь

Глава 1

– Мама говорила, что хорошим девочкам не изменяют, – шепчу я себе под нос, пока всё внутри замирает от нереальности происходящего.

Я в чужом районе со своим почти трёхлетним сыном Ванечкой, иду с мороженым к подруге и вдруг вижу наш чёрный джип. Мой муж, Коля, сидит за рулём, сворачивает к бордюру и тормозит. Жгучая брюнетка на моём пассажирском сидении поворачивается к нему и впивается своими кроваво-красными губами в его губы. И он отвечает ей!

Я не могу отвести взгляд от того, как по-хозяйски он кладёт руку ей на талию, как властно притягивает к себе, второй рукой зарываясь в иссиня-чёрные крупные локоны. Кажется, я смотрю на это уже целую вечность.

Как мне больно! Боже, как мне больно! Легкие скрутились в тугой ком, выдавив из себя весь воздух.

Мой! Еще недавно мой Коля страстно целует чужие губы, шею, ключицы.

Слёзы брызгают из моих глаз и горячими струйками стекают по щекам и капают на белую футболку.

Я не могу поверить, что действительно вижу то, что вижу. Может это всего лишь дурной сон и я скоро проснусь. Коля, как всегда, пожелает мне доброго утра, а я налью ему кофе и пожарю тосты.

Я закрываю глаза, в надежде на то, что Коля, эта девица, их поцелуй, всё это исчезнет!

Открываю глаза. Всё действительно кончилось. Коля выходит из машины, открывает дверь девице и берёт с заднего сиденья спящего ребёнка. Они скрываются за железной дверью ближайшего подъезда.

Сердце колотится, как бешеное. Из подмышек стекают струйки холодного пота. Я затравленно оглядываюсь. Где ребёнок?

Как в замедленной съемке, он бежит прямо под машину. Я вскакиваю, не видя ничего вокруг. Я не успеваю! Падаю, вытягиваясь на асфальте, обдираю локти и колени.

Последнее, что я вижу перед тем, как разбить лоб об асфальт – мой ребёнок вдруг взлетает над землей.

Боль пронзает лоб. Я с трудом поднимаю голову с асфальта и вижу, что мой малыш сидит на руках у улыбающегося высокого мужчины и хлопает в ладоши.

Он протягивает мне широкую ладонь.

Хватаюсь, мужик легко поднимает меня с земли.

– Помощь нужна? – спрашивает он приятным басом.

– Да нет, всё в порядке. Я не знаю, даже как вас отблагодарить, – отвечаю я, доставая из рюкзака влажные салфетки и вытирая кровь со лба.

– Мама, тебе больно? – малыш замечает, что у меня идёт кровь, гладит меня по голове.

– Ничего, всё нормально, – забираю Ванечку у мужика из рук, чувствую, что он пахнет каким-то очень тонким дорогим одеколоном.

– Ладно, тогда я поехал, – он улыбается напоследок, зубы ровные такие, как с рекламы зубной пасты.

Я провожаю грустным взглядом его широкоплечую фигуру. Он садится в белую «Теслу» и уезжает.

Я с Ванечкой на руках хромаю до следующего дома, где меня ждёт подруга Наташка с дочерью-ровесницей Вани.

– Оля, да кто ж тебя так? – Наташка вскакивает со скамейки и помогает мне дойти и сесть.

– Да упала, бывает, – я морщусь, сажаю Ванечку рядом с собой на скамейку и достаю из рюкзака мороженое на всех четверых.

– Ну ты и даёшь, мать! Я понимаю, в три года так падать, но в тридцать пять? Пора бы научиться нормально ходить! – подруга пытается разрядить обстановку, но выходит у неё не очень.

Я отмахиваюсь и вгрызаюсь в хрустящее шоколадное эскимо. Оно должно заглушить боль. Перед глазами всплывают картинки, как муж целовал другую.

Меня он последний раз целовал так, пожалуй, только в медовый месяц, десять лет назад. Потом долго не получался ребёнок, страсть превратилась в обязанность. Может, мне всё прикидилось?

Меня вырывает из мыслей крик сына:

– Мама, я упал!

Глава 2

– Ваня! Где болит? Сильно ушибся?

У меня перехватывает дыхание от испуга. Поднимаю ревущего малыша из-под скамейки, прижимаю его к себе.

На лбу малыша быстро растёт шишка. Нужно в травмпункт. А он находится далеко отсюда. Звоню мужу, раз он всё равно не на работе. После долгих гудков он наконец-то отвечает:

– Оль, ну чего ты мне звонишь? Что случилось?

– Коля, подбрось нас до травмпункта. Ваня ударился головой. Нужно на всякий случай показать врачу.

– Оль, ну как так опять? Совсем за ним не следишь? Где вы?

– На Поляничко.

– Я как раз рядом. Сейчас выйду.

Муж резко распахивает дверь подъезда. Видит нас с подругой. Машет рукой, заводит машину с брелка, подходит к нам и забирает у меня ребёнка. Сажает сына в детское кресло, сам идёт за руль и говорит:

– Пристегни его.

Сажусь на заднее сидение. Пристегиваю сына и внимательно смотрю на мужа. Следов помады нет, одежда не помята. Осторожно спрашиваю:

– А что ты тут делаешь? Ты же на работу уехал с утра.

– У Карины заболел ребёнок, попросили забрать из сада. Ты её не знаешь, она новая табельщица, пришла к нам уже после того, как ты ушла в декрет. Жаль её – ни мужа, ни машины. Я свозил её с ребёнком в приёмный покой. Думали, что аппендицит, но всё обошлось. Вот, теперь ещё раз придётся ехать туда, второй раз за день, теперь с нашим сыном.

Смотрю в зеркало заднего вида в серые холодные глаза мужа. Вроде бы не врёт.

Сын всегда сладко спит в машине, так в кроватке бы ночью спал, ей-богу. Но сейчас я его всю дорогу торможу, спать нельзя, пока врач не осмотрит и не скажет, что нет сотрясения.

Подъезжаем к областной больнице. Тут столько корпусов и такая большая территория, что я боюсь заблудиться или просто не донести ребёнка до отделения травматологии, потому что, судя по схеме около входа, идти до него от парковки больше километра. Хорошо, что муж рядом в такой тревожный момент.

Коля легко поднимает и несёт пятнадцатикилограммового ребёнка, как пушинку. Ничего удивительного, ведь муж – сорокалетний высоченный мужик с широкой костью. Он наводит ужас на подчинённых не только габаритами, но и взрывным характером. Рабочие, мастера и даже начальники цехов моментально напрягаются и замолкают при его появлении. Он может

любого лишить премии, лишь за косой взгляд. И я, конечно, очень не завидую тем, кого он вызывает на ковёр. Власти у него много, и он ей упивается.

Впрочем, муж он хороший. Конечно, с ребёнком он никогда не гуляет, не мужское это дело. Но зарплату несёт домой, да и сам дом не записал на маму, как некоторые подлецы.

Идём вдоль отделения реанимации и интенсивной терапии. Хорошо, что нам не сюда, тьфу-тьфу. Одурающе пахнут петунии, так, что меня начинает мутить.

Наконец, находим вход в приемный покой травмпункта. Очереди почти нет, нам оформляют документы и приглашают в кабинет. Муж, как всегда, ждёт нас в коридоре.

Серьезная женщина-врач в зелёном медицинском костюме вдруг улыбается при виде моего ребёнка и говорит ему:

– Это что у нас тут за юный джентльмен? Здравствуй!

– Пливет, я Ваня, – сынок уже давно забыл, как плакал, и улыбается, показывая свои белоснежные зубки. – Класивая тётя, а ты влать?

Этот мальчуган, конечно, поражает меня все сильнее и сильнее, с тех пор как начал бегло болтать. Иногда такое выдаст – хоть стой, хоть падай.

Но врач не обиделась на такой бестактный вопрос, а ещё больше заулыбалась.

– Конечно, я врач. И не просто врач, а детский травматолог. Вижу, ты сегодня ударил головой какого-то великана. Наверняка у него сейчас шишка ещё больше твоей. А тебе нужно сделать рентген. Вот вам направление. Кабинет номер шесть. Потом возвращайтесь ко мне без очереди.

Выходим в коридор. Муж глубоко погружен в телефон и даже не поднимает голову. Завожу ребёнка в рентген-кабинет. Молодой мужчина-рентгенолог берёт направление.

– Надевайте фартук на ребенка и на себя. Да, вон там, в углу на стуле висит. Застегивайте на липучки, вот так, правильно. Мальчик, вставай около вот этой белой стены. Ага. Мама, держите малыша.

Что ж, держу, лишь бы не испугался. Аппарат резко начинает гудеть и медленно стихает. Ваня улыбается рентгенологу.

– Всё, готово. Снимок уже в вашей электронной карте.

Вот это технологии конечно. Я-то жду, что сейчас дадут фотопластинку с черепом, а тут всё в электронке.

Прощаемся с рентгенологом, Ваня машет ему ручкой. Идём назад к тёте-врачу.

Перед кабинетом нет очереди, нам сегодня везёт. Стоп, а где муж? Ладно, некогда выяснять, быстро заходим в кабинет. Врач внимательно смотрит в монитор и, наконец, выдаёт диагноз:

– По рентгенограмме всё у вашего мальчика в порядке. На шишку не обращайтесь внимания, до свадьбы заживёт! До свидания, позовите следующего!

Уфф. Как будто гора с плеч падает. Быстро прощаюсь с врачом и выхожу с сыном на руках в коридор. Муж сидит на скамейке как ни в чём не бывало.

– Коля, всё хорошо! Я так рада.

– Я тоже. Мне срочно нужно на работу, так что я вас подкину до дома, а сам поеду туда. Буду скорее всего очень поздно. Авария во втором корпусе.

– Эх, Коля-Коля, нужно тебе было соглашаться стать начальником? – вздыхаю я обреченно.

– Ради больших денег приходится приносить жертвы. Ты же давно мечтаешь о своей машине? Так вот ради неё и стараюсь.

Муж везёт нас домой. Сын спит в кресле. Я смотрю в окно на зажигающиеся то тут, то там фонари. С грустью вспоминаю, как одиннадцать лет назад мы познакомились. Я пришла на этот завод сразу после института. Он был простым мастером. Было так хорошо – сразу после пяти мы забывали о работе, едва пройдя проходную. А теперь что? Я чувствую себя очень одиноко.

Доезжаем, муж заносит сына на второй этаж дома, кладет в кроватку, сбегает с лестницы, на бегу чмокает меня в щёку и слегка приобнимает:

– Пока Оль. Не грусти!

– Удачи, Коля!

Я смотрю в окно, как он садится в машину и резко уезжает. К горлу подступает комок и слёзы меня душат жаркой волной.

Пора спать. Ставлю телефон на зарядку на кухне. Иду в душ, чищу зубы. Перед тем, как отправиться в спальню, проверяю телефон и вижу десять пропущенных от свекрови.

Глава 3

Свекровь не умеет отступать. Она будет звонить до победного. Не хочу, чтобы завтра она заявила ко мне без приглашения, перезваниваю.

– Добрый вечер, Анфиса Павловна, – мой голос звучит слегка сдавленно.

– Здравствуй, Оля. У меня к тебе дело. Не просто дело, а дело чести всего нашего цеха. Завтра нужен твой саженец инжира. Большой, который уже с плодом, – свекровь, как обычно, настроена по-боевому.

– А что случилось? – я тру висок, чтобы ещё сильнее не разболелась голова, и всеми силами стараюсь не зевнуть прямо в трубку.

– Я зайду к тебе завтра перед работой. Быстренько пересадим в новый горшок, я его купила сегодня. К нам приезжает контролёр из Москвы, нужно ей что-то подарить необычное, – тон у свекрови напористый, не терпящий возражений. В общем-то ясно, от кого Коля унаследовал свою любовь к власти.

– Хорошо, буду вас ждать. Сейчас приготовлю инжир к вашему приходу, – я мысленно казню себя за то, что так легко сдалась.

– До завтра, Оль. Буду в полседьмого, – свекровь звучит подозрительно бодро, радуется лёгкой победе.

– До завтра, Анфиса Павловна, – говорю я, но понимаю, что она уже повесила трубку.

Ладно, пора идти за инжиром. Выхожу из дома в одной ночнушке, ежусь от ночной прохлады.

Захожу в оранжерею – это моё место силы. Любуюсь мощными стволами и густыми темно-зелёными кронами своих «цитрусят». Вдыхаю аромат цветущего мандарина. Тихое журчание фонтанчика успокаивает мои расстроенные нервы. Глажу резные шершавые листья фигового дерева. О, несколько фиг созрели, и из них выступает сладкий сок. Беру корзинку и срываю их. Потом забираюсь по стремянке под потолок и собираю с лиан, густо опутавших шпалеры на стене, несколько спелых киви, пока они не успели упасть.

Меня с детства завораживали растения своими чудесами: маленькая веточка превращается в дерево, бутон становится плодом. Я даже вела дневник с зарисовками о жизни своих цветочков. Пожалуй, будь я помладше, у меня был бы об этом блог с тиктоками.

Правда, когда я растила цветы на подоконнике у мамы, им вечно не хватало света. У них были кривые, вытянутые в сторону окна кроны. Ещё нельзя было приносить домой букеты, потому что любая лишняя букашка на домашних деревьях превращалась в прожорливую саранчу.

Поэтому, как только мы с Колей купили дом, я приспособила отдельное помещение под оранжерею. Повесила специальные лампы, зеркала. Поставила капельный автополив с автома-

тической подкормкой по составленной мной программе. Купила растения хороших сортов у коллекционеров. Да, я осуществила свою детскую мечту!

Вспоминаю, что я тут вообще-то по делу. Достаяю с полки возле большого инжира саженец в маленьком пластиковом горшке, беру корзинку с фруктами и иду к дому.

Захожу на крыльцо. Блин! Ветер захлопнул дверь, а я забыла ключи в доме. Что же делать?! Телефон я тоже не взяла!

Опускаюсь на пол. У меня больше нет сил сдерживать рыдания. Реву громко, размазывая слёзы по щекам. Обхватываю коленки руками, опускаю голову. Ну что ж я за дура такая?!

– Девушка, ну что вы тут фигнёй страдаете? Сопли на кулак наматывать долго будете? – бархатный мужской бас как-то плохо вяжется с таким дерзким наездом.

Я поднимаю голову и вижу, что на меня смотрит бородатый кареглазый брюнет, поднявшись на руках над забором. Белая майка испачкалась в пыли, вены и мышцы на руках вздулись от нагрузки. Слишком красивый мужик для своих под сорок, ни единой лишней жиринки. Его лицо кажется мне смутно знакомым.

– Хорош реветь! Сейчас я вам передам чемоданчик с инструментами, откроем вашу дверь, – в голосе мужика появилась нотка какой-то отеческой заботы.

Подхожу к забору. Мужик спрыгивает назад, через секунду над забором появляется оранжевый чемоданчик и падает мне в руки. Едва не роняю его, тяжёлый, зараза!

Ещё через секунду мужчина приземляется рядом со мной на корточки. Встаёт, протягивает мне широченную ладонь.

– Игорь, – мужик улыбается и смотрит очень пристально в глаза.

Протягиваю ему руку. Сжимает крепко, но не больно. Что-то внизу живота приятно сжимается. Отвожу взгляд, не выношу, когда на меня так смотрят.

– Ольга, – голос предательски дрожит и выдаёт моё смущение.

– Очень приятно. А теперь вскроем вашу дверь.

Он легко взлетает на крыльцо, раскрывает чемоданчик. Три минуты и всё готово. Кошмар, а я-то думала, что эта дорогая дверь защитит нас от грабителей немного дольше.

Игорь собирает инструменты.

– Ну, чего стоите, Оля? Доставайте ключи, выпускайте меня по-нормальному. А то я на вашем заборе чуть штаны не порвал.

– Да, конечно, сейчас! – суетливо хватаю ключи с крючка в прихожей, бегу открывать калитку.

Игорь выходит на улицу, нависает надо мной, опираясь рукой о забор, и смотрит очень строго, как будто я – провинившая школьница.

– Так, чтобы ключи больше не забывали. У вас же ребёнок, как можно быть такой рассеянной? Попейте что-то для памяти, – наставляет он на грани хамства, буквально лопааясь от самодовольства.

– Хорошо. Не забуду. Спасибо вам, Игорь! – я чувствую, что горячая волна поднимается по шее к щекам и льётся дальше, к ушам. Боюсь, что он заметит краску на моём лице.

– Ну вот и отлично, бывайте! Рад был помочь.

Игорь открывает багажник «Теслы» у соседнего дома, кладёт туда чемоданчик.

Я захлопываю калитку и бегу домой, что есть мочи. Сердце трепыхается в груди, как раненая птичка. Да кто он такой?! Он что, за мной следил?!

Глава 4

Я запираю дверь на большой внутренний засов, который не открыть снаружи. Сынок проснулся. Теперь он не хочет спать в своей кроватке. Беру его с собой в большую кровать. Он мгновенно засыпает, а я еще долго смотрю в темноту спальни, пугаясь каждого шороха за окном. Засыпаю тревожным сном, мне снятся кошмары про stalkеров и маньяков.

Свет пробивается сквозь задёрнутые шторы. Утро совсем не доброе. Чувствую себя жёванной тряпкой. Хорошо, что сынок ещё спит. Тихонько скатываюсь с кровати, чтобы его не потревожить. Спускаюсь в кухню и включаю кофе-машину, чтобы хоть как-то собрать мозги в кучку.

Мужа нигде нет. Зато свекровь нарисовалась, как и обещала.

– Оля, я тебя тут уже десять минут жду! Ну ты и любишь поспать! – громко ворчит она в приоткрытое окно на первом этаже.

– Простите, Анфиса Павловна, – отпираю задвижку, впускаю свекровь. – Кофе не хотите?

Свекровь заходит, поправляет, глядя в зеркало, свои седые короткие волосы и красную помаду.

– Да, буду, конечно! Вот, смотри какой шикарный горшок я достала, – она осторожно извлекает из авоськи белый керамический горшок с блёстками, и ставит на кухонную столешницу.

– Отлично, я вставлю саженец прямо в горшок, не разводя грязь, – поднимаю я саженец с пола, и он легко входит в это импровизированное кашпо. – Тем более, тут нет дырок для дренажа, значит ваш горшок будет служить заодно поддоном для воды. Контролёрше будет удобно его поливать. Вам какой кофе?

– Капучино, – свекровь уже сидит на моём месте с хорошим видом из окна. – А где же Коля?

Наливаю ей и себе кофе, сажусь на любимое Колино место, протягиваю свекрови сахарницу.

– Во втором корпусе авария, он уехал в ночь, до сих пор не вернулся, – искренне удивляюсь свекровиному вопросу, потому что она обычно знает абсолютно обо всём, что происходит на заводе.

– Оля, я не знаю ничего об аварии, – задумчиво произносит Анфиса Павловна. – Сейчас позвоню диспетчеру.

Она выходит на крыльцо, потому что в доме плохо ловит сотовая связь. Возвращается довольная, видимо тем, что не теряет хватку и по-прежнему в курсе всех событий.

– Нет никакой аварии. Наврал тебе мой сын. А уж зачем это ему нужно, это ты сама выясняй, милочка моя, – качает головой Анфиса Павловна с такой странной миной, как будто она уже достала пакет попкорна и приготовилась к зрелищу.

У меня внутри всё холодеет. Сначала девка, которая лапает мужа за задницу, потом враньё на ровном месте. Всё это мне очень не нравится. Ненавижу подозревать и сомневаться.

– Да не переживай ты так. Не ты первая, не ты последняя, все мужики однажды изменяют. Особенно, когда появляется ребёнок. Мой покойный муженек, земля ему стекловатой, был отменный бабник, ни одной юбки не пропустил.

Слёзы предательски выступают из-под век, горло сдавливают комки, челюсти непроизвольно сжимаются. За что мне это?

– Нет, Анфиса Павловна, я не верю в это, не хочу верить. Мы только обустроили жизнь, у нас наконец получился ребёнок после стольких лет попыток, а теперь всё пошло по звезде?!

– Знаешь, Оль. У меня же есть ещё некоторые слухи! – свекровь необыкновенно оживляется, глаза блестят, пальцы бегают по кофейной чашке.

– Нет, только не это! Прошу, ничего мне не рассказывайте! – я отстраняюсь и закрываю уши руками.

– Новая табельщица Карина увольняется! Она хочет открыть свой бизнес! – кричит свекровь со всей дури и будит ребёнка.

Я вскакиваю и бегу вверх по лестнице, смахивая слёзы и задыхаясь, как будто пробежала два километра.

– Мама, а ты что здесь делаешь? Зачем Олю так напугала? – слышу я удивлённый голос мужа.

Глава 5

Я бегу вверх, не оглядываясь. Сердце как будто перестало качать кровь и бестолково трепещет в грудной клетке. Мне не хватает воздуха. Пытаюсь глубоко вдохнуть, но не получается.

– Мама! Обнимай! – кричит малыш, выходя из спальни.

Подхватываю его на руки, обнимаю маленькое тельце, зарываюсь лицом в мягкий пушок на макушке.

– Целуй! В сётку.

Я сажусь на пол, целую ребёнка, стараюсь дышать глубоко. Наконец, сердце успокаивается. Ванечка убегает от меня вниз по лестнице.

– Бабушка! Папа! Вы все тут! О, какой класивый горсок!

– Ванечка, стой! – кричит свекровь.

Поздно. Я слышу звон расколовшейся керамики. Слетаю с лестницы, хватаю малыша.

– Фух, не порезался, – бормочу я себе под нос и успокаиваю ревуна.

Свекровь с оскорблённым лицом поднимает саженец, Коля протягивает ей пакет. Она забирает целлофан резким движением и уходит, хлопнув дверью.

Мы остаёмся с мужем почти один на один. Он собирает крупные черепки, я несу в одной руке ребёнка, а в другой пылесос, чтобы собрать мелкие острые осколки.

Луч утреннего солнца выхватывает на его шее, под челюстью, облачко из тёмно-красных точек.

Я тру глаза, специально наклоняюсь чуть ближе. Нет, к сожалению, мне не кажется. Это засос. На белой рубашке замечаю рыжеватые пятна. Тональник?

Ах ты ж негодяй, Коленька. Врёшь мне в глаза и даже не краснеешь. Всеми силами стараюсь расслабить желваки, сжимаю ручку пылесоса до побелевших костяшек.

Убираю пылесос, ставлю на плиту кастрюлю для каши, заливаю водой с молоком.

– Как там авария? Надеюсь никто не пострадал? – внутри всё кипит, но загоняю эмоции глубоко, сжимая со всех сил пальцы ног – в тапочках не видно.

Муж сидит за столом, листает ленту на телефоне, попивает кофе.

– Всё в порядке, только один рабочий сломал руку из-за того, что баллон влетел в стену. Очень повезло. – отвечает муж, продолжая глядеть в телефон.

– Да, хорошо, что так. А ты не взял отгул? Всё-таки после бессонной ночи можно ошибиться похлеще того рабочего, – сыплю крупу и быстро уменьшаю огонь, чтобы молоко не убежало.

Натягиваю фальшивую улыбку, хотя хочется натянуть кастрюлю с кашей прямо Коленьке на голову!

– Нет, кто же кроме меня будет руководить? – муж наконец поднимает на меня взгляд. Бодрый, свежий, совсем не как я после бессонной ночи. И тут врёт, мерзавец!

Беру ломтики хлеба и сую их в тостер. Мне нужно ещё кое-что выяснить.

– Коля, я собираюсь приучать сына к саду. Ты на машине не сможешь меня отвезить, потому что там в первое время нужно приводить ребёнка на два часа. Я знаю, ты хотел купить мне хорошую машину. Но времени больше нет. Давай купим хотя бы подержанную «Гранту»!

Коля явно не готов к такому разговору, давится кофе. Хлопаю его по спине специально побольнее.

– Нет, Оля! Какая нафиг «Гранта»? Ты же не умеешь ездить на механике. Я же обещал тебе «Равчик»? Дай мне еще год! – муж кажется загнанным в угол.

– Всё, я побежал! – муж как-то очень поспешно вскакивает и убегает. – Пока, мои любимые!

Любимые, ишь как заговорил. Кувыркался со своей Кариночкой всю ночь, а мы – любимые.

Смотрю в окно, как он отъезжает. Включаю сыну мультики, и пока он увлечён, запускаю компьютер мужа. Сердце стучит как бешеная белка в колесе, руки дрожат. Хоть бы не было пароля!

Нет, пароль он не успел установить. Вижу значок онлайн-банка. Щёлкаю быстрее, оглядываюсь, как будто за мной гонятся. Открывается менюшка с картами, ищу, где же тут спрятаны накопительные счета. Чёрт! Всё исчезает, не успев прогрузиться. Всплывает окно с надписью «Для входа в приложение введите пароль и код из SMS».

Не успела! Видимо Коленька только что сделал на телефоне выход со всех устройств. Я спугнула его своим вопросом. Дура!

Выключаю компьютер. Беру папку с документами. Ничего интересного. Забираю свой диплом, документы на ребёнка, свой паспорт. Негусто тут моего.

Мне нужна помощь. Звоню Наташке.

– Привет Наташ. Как ты узнавала, где у твоего бывшего были счета? – я сразу перехожу к делу.

– Оль, привет. Да как, суд делал запрос в банки, – Наташке явно неприятно вспоминать это.

– Не, мне надо заранее, до суда, – тяну я несколько разочарованно.

– Знаешь, ещё инфа о счетах есть у налоговой, это мне адвокат рассказала, – оживляется подруга. – Но всё равно её без суда не получить, налоговая тайна же.

– Ты мне очень помогла, Наташ, спасибо, пора бежать, – у меня появилась идея.

– Ну ок, пока, – Наташка разочарованно-обиженно отвечает. – Расскажешь потом.

– Обязательно! – я кладу трубку и бегу к своему компьютеру.

Хоть бы всё получилось! Я же заполняла недавно для мужа налоговую декларацию. Комп запускается так долго! Ну быстрее, миленький!

Запускаю браузер, захожу на сайт налоговой. Йеху! Пароль от кабинета Коленьки не сменён. Захожу в раздел счетов и вижу, что вклад с деньгами на мою машину закрыт пять дней назад. Новых счетов нет.

Я хватаю подушку с дивана и бью со всей дури по косяку двери. Раз, два, десять. Наконец ярость покидает меня, и я опускаюсь на диван без сил.

Она оставила меня не только без мужа, но и без машины. Тварь! Подстилка! Крашенная дура!

Умываюсь холодной водой. Выхожу на улицу с сыном. Подходим к детской площадке, как вдруг навстречу нам из машины выходит Игорь.

– Привет, Оля. Ты чего такая расстроенная?

Глава 6

– Игорь, вы, конечно, мне очень помогли, за что я безмерно благодарна. Но на брудершафт мы не пили и на «ты» не переходили, – говорю я быстро, голос дрожит от раздражения.

Я специально выхожу на прогулку как можно раньше, пока детей на площадке не так много. Мозг требует максимально возможного одиночества. А тут этот мужик, который меня вчера напугал. Что вообще он тут забыл? Ребёнка около него не видно!

– Ой, ну как хотите, Ольга. День не задался? – Игорь снисходительно хмыкает и идёт на турники.

Ванечка бежит на карусельку, я начинаю его потихоньку катать.

– А что это дядя делает? Он вентилятол?

Я оборачиваюсь и вижу, что Игорь делает «солнышко» на турнике. Мускулистые руки с выступающими венами крепко сжимают перекладину. Мощные плечи, сильные предплечья, широкая спина, крепкие ягодицы, рельефный пресс. Я незаметно, глядя из-под козырька кепки, любуюсь, как его мышцы играют под тонкой футболкой при каждом обороте вокруг турника. Это конечно красиво, но страшно, турник слегка гнётся при каждом обороте. Вдруг турник не выдержит, и это красивое мужиковое тело сейчас в нас прилетит?

Беру ребёнка на руки и несу подальше, в песочницу. Малыш визжит и не хочет уходить. Я сдаюсь и отпускаю мелкого восвояси.

– Дядя-дядя! Сделай вентилятол есё!!!

Но Игорь уже подтягивается. Он поднимается над перекладиной так легко, будто его подбрасывают вверх крылья. Нет, не крылья, конечно, просто выносливые мышцы спины работают как машина. Про себя считаю: раз, два три... пятнадцать? Вдруг он поднимает ноги, кладёт их на перекладину, спрыгивает с турника каким-то невероятным сальто и приземляется в стойку на руках.

Я медленно возвращаю упавшую челюсть на место и растерянno хлопаю глазами.

Вдруг небо темнеет и падают первые капли. Хватаю Ванюшку и бегу к единственной на площадке беседке с крышей. Укрыться больше нигде.

Залетаем, садимся на скамейку, дождь превращается в стену из капель и громыкает по крыше беседки. Вдруг чувствую лёгкое прикосновение к локтю. Подскакиваю от неожиданности, чуть не ударившись о потолок беседки. Поворачиваюсь – Игорь каким-то образом уже тут как тут.

– Мне до машины далеко бежать! – смеётся он и поднимает руки ладонями вверх. – Пережду у вас тут ливень, не выгоняйте, пожалуйста!

– Игорь, вы меня жутко пугаете уже второй раз! Откуда у вас столько свободного времени? Зачем вы за мной следите? – у меня кончается терпение, и я хочу расставить все точки над и.

– Свободное время у меня оттого, что я вкалывал как проклятый с восемнадцати до тридцати пяти лет по восемнадцать часов в сутки. Откладывал восемьдесят процентов дохода в акции. Ну а теперь я молодой «пенсионер», – Игорь приосанивается и неизбежно упирается головой в потолок беседки, – а зачем я за вами слежу, я не расскажу. Нравится мне просто, вот и всё.

– Вы же видите у меня кольцо на пальце? – машу я перед его лицом правой рукой.

– Ну и что? Неужели я хуже вашего мужа? – искренне удивляется Игорь. – Вообще-то я его видел, ему лет пятьдесят?

– Я не понимаю, для вас верность – пустой звук? Для меня – нет. Даже не смейте со мной так говорить! – я взрываюсь и в то же время с грустью вспоминаю, что для моего мужа, к сожалению, пустой звук не только верность, но и порядочность.

– Хотите, я вам докажу, что ваш муж вас не достоин? – Игорь наклоняется к моему уху слишком близко, касаясь волосками бороды моей щеки, и переходит на шёпот. Аромат его одеколona окутывает всё вокруг, но теперь, когда он так близко, я чувствую его природный запах, похожий на нагретую на солнце степь.

Горячая волна краски опять заливают меня от ворота футболки и выше. Теперь он точно видит мои горящие красные уши! Невыносимо хочется выскочить из беседки, но дождь идёт сплошным потоком, и ребёнок мгновенно вымокнет и простынет.

– Это вообще не ваше дело! – отшатываюсь и шиплю, как злая кошка.

– Воу-воу, полегче! – смеется Игорь. – Я боюсь, что вы меня сейчас оцарапаете!

– Игорь, – поворачиваюсь я к нему, смотрю в хитро прищуренные карие глаза и говорю твёрдо и уверенно, – я хочу побыть в одиночестве, оставьте меня в покое, пожалуйста!

– Ну ладно, так бы и сказали, – наконец сдаётся он и выходит в бурные потоки дождя. – Пока, Оля!

– Дядя сейтас зе пломокнет! – кричит сынок у меня на руках.

– Ничего, не сахарный, – вздыхаю я с облегчением и разблокирую телефон, чтобы позвонить.

Глава 7

– Да, дочка, – мать отвечает очень быстро.

– Как дела, мамуль? Как здоровье? – спрашиваю я дежурные вопросы, собираясь с силами спросить о главном.

– Да потихоньку, тружусь на даче в поте лица, – мать набирает побольше воздуха, готовится к тому, чтобы перечислить все свои трудовые подвиги, – помидоры вот подвязала, огурцы набрала-засолила, укроп засушила, из крыжовника варенье сварила...

– Мама, кажется, Коля мне изменяет, – резко прерываю её обычный получасовой монолог, внутри всё сжимается и становится трудно дышать. Боюсь, что из-за глупого приступа слёз я не смогу дальше говорить.

– Оля. А я тебе говорила! Не ходи за него замуж. Повторяла сто раз, что яблоко от яблоньки далеко не падает! – ворчит мать. – Говорила, иди за Лешеньку. Его мама моя подруга, в отличие от этой мымры Анфиски.

– Мама, ну не начинай! На этого Лешеньку без слёз не взглянешь! Кожа да кости, скелет ходячий! Ты меня не учи, а лучше ключи от бабушкиной квартиры дай!

– Ты надумала от мужа уходить! Ещё на развод подашь может? Позор на мою седую голову! – мать начинает орать. – Мне отец сказал так: вышла ты замуж, домой не ворачивайся! Так и тебе говорю, терпи и смирись! Ребёнка без отца решила оставить? Социальным сиротой при живых родителях?! И вообще, что ты сделала, что мужик от тебя по бабам пошёл?

– Да ничего я не делала, мама! Еду готовлю, порядок блюду, красоту навожу, всё хорошо было! Это он решил меня предать! Да ещё и наши деньги любовнице отдал! – мое лицо горит, слёзы подступают, голос предательски дрожит.

– Говорила я тебе, деньги на своём счету держи! Коля то, Коля сё, надёжный как швейцарские часы! – передразнивает меня мать. – Мужу-псу не кажи задницу всю, это мне ещё бабушка говорила! Не слушаешь вечно мать, ну сама теперь свою кашу расхлёбывай!

– Ладно, мама! С тобой каши не сварю, – я чувствую, как слезинка или дождинка катится по щеке и понимаю, что вообще зря начала этот разговор, – Пока.

– Пока! – мать бросает трубку.

Набираю папин номер.

– Привет, Оль, – папа берёт трубку спустя несколько гудков.

– Привет, папа! Я заеду к тебе, заберу ключи от бабушкиной квартиры? – начинаю я сразу с главного.

– А что случилось? – папа явно в недоумении.

– Да я хочу забрать свои детские рисунки, Ванечке показать, – не нахожу я никакой причины получше.

– Хорошо, заезжай. А, нет, у меня же старые ключи, твоя мама там сменила замки в прошлом году, а новые мне не отдала. Извини, – отец тяжело вздыхает. – Ладно, Оль, пойду работать.

– Пока, папа, – я чувствую, что спина сгибается, меня тянет вниз, даже уголки губ невозможно поднять.

Как я буду терпеть прикосновения изменника? После того, как он касался её, он будет трогать меня? Я должна буду целовать его в шею, на которой эта мерзавка оставила засос? Меня сгибает рвотный позыв от слишком живо представленной сцены. Что же делать?

Дождь наконец стихает. Ванечка выбирается из беседки и бежит к водосточным трубам смотреть на бурные потоки. Я выхожу и бреду за ним. Взгляд цепляет цветная бумажка, приклеенная к доске объявлений у подъезда: «Вскрытие замков без повреждений». Быстро срываю бумажку и прячу в карман.

И тут я вижу, как навстречу нам идёт муж.

Глава 8

– О, Оля, привет! Наконец-то я вас нашёл! – кричит муж издалека и машет нам рукой.

– Папа!!! – Ванечка тут же забывает про бурные потоки дождевой воды с крыши, за которыми так сосредоточенно наблюдал, и, как ракета, летит к папе.

Коля хватает малыша и подбрасывает в воздух. Ваня визжит от восторга.

– Оля, а ты что такая бледная? – спрашивает запыхавшийся муж после того, как ребёнку наконец-то надоело летать. – Что за объявление сорвала? «Муж на час прочистит ваши трубы?»

Блин, по телу пробегает дрожь. Я судорожно смотрю на доску в поисках приличного объявления, пока Коля мерзко хохочет. О, нашла.

– Да вот, видишь, скоро открывается детская студия? Я оторвала кьюар-код, чтобы подписаться на их канал. Как откроется, сходим с Ванюшкой, развеемся, – я улыбаюсь, пытаюсь скрыть свою растерянность.

– Нет, не ходи туда! – Коля на глазах бледнеет, на висках выступают блестящие в закатном солнце капли пота. – Пообещай, что туда не пойдёшь никогда в жизни!

– Коля, а в чём дело? Я уже водила Ванюшку в развивашку, ему очень понравилось. Какая разница, если мы пойдём в новое место? – спрашиваю я, внимательно глядя в серые Колины глаза, которые он старательно отводит.

– Просто знакомый делает там ремонт. А я знаю, какое у его ремонтов качество. Штукатурка на вас упадёт, опять будешь мне звонить, просить везти вас в травмпункт, – Коля после долгой паузы находит, что сказать.

– Коля, ну вот купил бы мне уже машину, я бы не звонила, сама бы ездила, – я показываю чуть больше обиды, чем бы мне хотелось. Ничего не могу поделать, прорывается боль оттого, что денег на мою машину больше нет.

– Знаешь, Оля, я вообще-то с завтрашнего дня ушёл в отпуск, чтобы возить вас на два часа в детский сад, – Коля хмурится, сжимает кулаки. – А ты вместо благодарности опять пилишь меня со своей машиной. Будет тебе машина, дай мне время!

– О, Коля, это здорово! – я изо всех сил изображаю радость и энтузиазм, но внутри буря, ведь видеть неверного мужа целыми днями будет пыткой. – А на сколько ушёл, на месяц?

– На две недели, успеешь его приучить, думаю, – буркает муж. – Всё, пойдём домой, жрать хочу.

Он с ребёнком на руках быстро шагает к машине, я незаметно фоткаю объявление детской развивашки и бегу за ними. Уж очень подозрительной мне кажется реакция мужа.

– Оля, ну давай быстрее, пристегни сына, – раздражённо брюзжит Коля, открывая водительскую дверь.

Бесит. Неужели нельзя сразу пристегнуть ребёнка, раз уж ты его посадил в кресло? Молчу, боюсь разозлить Колю ещё больше.

Приехали. Ехать то тут всего ничего. Но муж лучше поедет в булочную на авто, чем пройдёт сто метров пешком.

Я хлопочу на кухне, Коля нетерпеливо качает ногой, листая ленту в телефоне.

– Коля, а всё-таки как зовут того твоего знакомого, который делает плохие ремонты? – меня так и подмывает поиздеваться над изменником, посмотреть, как он будет выкручиваться.

– Оля, тебе какая разница? – муж поднимает голову, в голосе отчётливо читается раздражение. – Давай корми меня быстрее, а не болтай всякую чепуху. Совсем в своём декрете деградировала?

Так, обязательно надо разузнать побольше об этой развивашке.

– На, ешь быстрее, – ставлю перед ним тарелку, едва не пролив суп, торопливым движением бросаю ложки, иду за чаем.

– Да уж, Оля! Ты мастер-класс что ли у моей мамы возьми, почему у тебя борщ оранжевый, а не красный, как положено? – муж усмехается, но начинает жадно хлебать борщ, закусывая чёрным хлебом.

– Это донской борщ без свёклы, Коля, – наконец сажусь я за стол, дуя на маленькую ложку с супом для сына.

– Ой, ну какой борщ без свёклы, каких глупостей ты начиталась в интернете? – муж ругает приготовленную мной еду, и сам же её наворачивает.

Эх, вылить бы сейчас борщ в унитаз, надеть ему кастрюлю на голову и как дать половником! Поговорил бы ещё! Мечты-мечты.

– Оля, ну какая ты копуша, тебя не дождёшься, – муж уходит в спальню смотреть телевизор, оставив пустую тарелку на столе.

Я пою сына водичкой и мешаю ложкой остывший суп в своей тарелке. Как горько от того, что он меня больше не любит. Как больно, что выбрал не меня, предал и ограбил. Как жаль свою разрушенную жизнь. Слёзы стекают горячими струйками по щекам и каплют на стол. Сын гладит меня ладошкой, я обнимаю его крепко-крепко. Ничего, милый, я всё разрулю. Вильюка я этот борщ в унитаз, совсем нет аппетита.

Опускаю руку в карман, разглаживаю объявление, набираю номер. Сердце гулко стучит, отдаваясь пульсом в висках.

– Алло, вы взламываете замки?

– Я так и знал, что сегодня ещё раз услышу твой мелодичный голос, Оля, – отвечает знакомый бархатный бас.

Глава 9

– Ого, а я не ожидала тебя услышать. Ты значит взломщиком работаешь?
– от неожиданности я перехожу на шёпот и на «ты», тёплая волна поднимается откуда-то из живота и согревает меня до кончиков пальцев.

– Оля, можешь ничего не говорить, я просто хочу, чтобы ты знала. Ты всегда можешь позвонить мне, хоть ночью, хоть днём, я приеду и выручу тебя. А теперь спокойной ночи, а то я боюсь, что у тебя из-за звонка мне будут проблемы, – Игорь тоже переходит на шёпот, от которого у меня по всему телу бегают табуны мурашек.

– Спокойной ночи, Наташ, – говорю я громко и торопливо сбрасываю звонок, потому что вижу, что муж выходит из спальни.

– Чего это ты тут шепчешься? Любовнику звонишь? – Коля грозно смотрит на меня из-под нахмуренных мохнатых бровей.

У меня такое чувство, как будто я катаюсь на качелях, и они вдруг отрываются, и я лечу в бесконечную пропасть.

– Наташка звонила, – отвечаю я, собрав всю волю в кулак, чтобы не отвести взгляд от холодных глаз мужа.

– В полдесятого вечера? – с подозрением спрашивает Коля, нависая надо мной своим массивным телом. Я чувствую на нем еле слышный аромат чужих духов, крыжовник и сирень. Чувство полёта в пропасть резко сменяется позывом тошноты.

– А в чём дело, Коля? Что, подруга не может позвонить мне в ещё детское время? – мой взгляд становится жёстким.

Коля съеживается, отходит подальше.

– Ладно, Оль. Проехали, – говорит он примирительным тоном, поднимая руки ладонями вперёд.

Я иду купать ребёнка. Ванечка хохочет и переливает водичку из бокальчика в бокальчик.

«Ты всегда можешь позвонить мне, хоть ночью, хоть днём, я приеду и выручу тебя». Я кручу в памяти слова Игоря, его глубокий грудной голос, от этого так приятно на душе, тепло разливается из груди к рукам, обволакивает всё тело. Могу ли я ему доверять? Не знаю, но очень хочется.

Укладываю ребёнка спать, читаю ему сказку, то и дело запинаясь, потому что на внутреннем экране воображения всё время появляется Игорь. Я вспоминаю, как играючи он запрыгнул на забор и вскрыл замок, когда я оказалась снаружи дома без ключей, как шептал мне на ухо и щекотал бородой мою щёку, и в животе всё приятно сжимается.

Выхожу из детской, иду в душ. Захожу в спальню, муж светит телефоном в темноте и явно с кем-то переписывается.

– Любовнице пишешь? – спрашиваю я тихо, резко прыгая на кровать рядом с мужем.

Он роняет телефон себе на лицо от неожиданности.

– Оля, блин! Ты меня так до инфаркта доведёшь! – вопит муж придушенно, чтобы не разбудить ребёнка.

– А, это по работе, поняла. В одиннадцать часов вечера. Такое у тебя увлечённое лицо, явно читаешь про что-то, связанное с жидким кислородом или токарными станками! – мстительно цежу я сквозь зубы и отворачиваюсь.

Коля решает не усугублять и выключает телефон. Кладёт руку мне на талию. Меня тут же скручивает рвотный позыв, так как перед глазами проносится сцена, как он также обнимал любовницу, пока она впивалась в его шею своими перекачанными губами. Пытаюсь сбросить его руку, но Коля не даёт, всей тяжестью придавил меня. Раньше я всегда чувствовала себя с ним в безопасности, но теперь холодок страха пробежал по груди и спазм сковал верх живота.

– Коля, отпусти! – я шепчу мужу.

– Ладно, спи, – шепчет муж и отворачивается. – Это чтобы ты помнила, что я тут главный.

От волны адреналина я долго не могу уснуть, всматриваясь в тёмные очертания телевизора и картин на стене.

Утром встаем ни свет, ни заря. Нужно ехать в детскую поликлинику, чтобы взять справку для сада. Я опять чувствую себя разбитой. За завтраком молчу, не зная, как теперь общаться с мужем, который в один миг стал чужим. Муж тоже ничего не говорит, давит молчанием. Один сын как всегда радостен и энергичен, как будто и не он просыпался за ночь раза три.

Народу в коридоре тут как всегда полно, селёдкам в бочке и то просторнее. Муж, который игнорировал все больничные дела сына с самого роддома, вдруг не стал отсиживаться в машине, а пошёл с нами.

По мере движения очереди мы наконец оказались около окна. Можно хотя бы немного облокотиться о подоконник. Спину ломит от тяжёлого ребёнка, который вдруг захотел сидеть на руках у меня, а не у папы.

– О, Николай Алексеевич! Здравствуйте! Как ваши дела? – смутно знакомая мне черно-волосая женщина с ребёнком улыбается моему мужу.

Глава 10

– Карина, здравствуйте! – голос мужа прямо таки сочится мёдом. – Да всё замечательно, без вас только на работе так скучно, что я ушёл в отпуск.

Где же я видела эту наглую девку? Вспоминай, Оля! Пальцы непроизвольно сжимаются в кулаки. Сердце пропускает удар. Как же сладко он говорит с ней! Под ребрами всё скручивается в единый болезненный узел.

– Да ничего, привыкнете, Николай Алексеевич, – смеётся Карина и кокетливо накручивает чёрный локон на палец с длинным красным ногтем.

Чёрные волосы! Догадка пролетает в голове яркой вспышкой. Я вспомнила, что видела его с черноволосой женщиной тогда, когда мы ели мороженое с подругой. Это она!

– Кстати, вы не знакомы, это моя супруга, Ольга, – вдруг вспоминает о вежливости муж, – а это Карина, она работала у нас табельщицей.

Всё сходится. Свекровь же о ней говорила, бизнес у неё там какой-то. Я лихорадочно хватаю воздух, щёки немеют, тело как будто мне больше не принадлежит.

– Очень приятно, – говорит Карина, бросая слегка презрительный взгляд на меня, и сразу же поворачивается к Коле, слегка проводя внутренней стороной запястья по своей шее.

– Взаимно, – выдавливаю я из себя. Я сжимаю кулаки так, что становится больно.

– Карина, а как же вы решились уволиться, когда на дворе кризис? Надеетесь на заработок мужа? – спрашиваю я. Сердце колотится, как бешеное, мой голос слишком пропитан ненавистью. Дышу, раздувая ноздри, пытаюсь совладать с гневом.

– Оля, ну что за нескромные вопросы, стыдно за тебя! – возмущается муж и угрожающе нависает надо мной.

Карина явно не готова к такому допросу. Она замерла, чуть сторбилась и еле заметно прижала ребёнка к себе.

Очередь притихает. Люди утыкаются в телефоны и медицинские карты, но перестают их листать.

– Следующий! Ну долго вас ждать? – из кабинета выглядывает медсестра.

Женщина с дочкой неохотно встаёт и искоса бросает на нас взгляд, прежде чем войти в кабинет педиатра.

Чёрт! Не хотела я столько свидетелей такого непростого разговора!

– Ну почему же нескромные, обычные вопросы, – парирую я, натягивая улыбку поверх сцепленных зубов, – а, Карина? Где же вы нашли такого щедрого мецената для спонсирования ваших бизнес-потуг? Кстати, а что у вас за бизнес?

– Детская студия развития, очень актуально в нашем спальном районе, – голос Карины звучит сдавленно, лицо идёт красными пятнами.

– Оля, ну хватит устраивать допрос девчонке! – муж обнимает меня за плечи и заглядывает в глаза, – она старается, работает, не надо её смущать.

– А почему мои невинные вопросы её должны смущать? – я пожимаю плечами и качаю головой, наблюдая, как раздуваются его ноздри и ходят желваки. – Интересно же, чем зарабатывают твои бывшие коллеги.

– Да, Карина, не отвечать на вопросы невежливо, – я отстраняюсь от мужа и смотрю прямо в её голубые глаза с нарощенной щёткой ресниц со всей доступной мне жёсткостью, как будто хочу прожечь в них дыру.

– Николай Алексеевич мне очень помог, – наконец блеет она, на платье у неё медленно растекаются пятна пота из подмышек.

Краем глаза я замечаю, каким тяжёлым злым взглядом Коля одарил Карину. Она сжалась под ним еще больше.

– О, Николай Алексеевич – прекрасный покровитель, благотворитель и филантроп! Помогает только он, к сожалению, только молодым незамужним дурочкам. Абсолютно безвозмездно, какая щедрая душа! Обкрадывая свою жену и ребёнка, но это же такие пустяки, правда, Коля? – смотрю я то на бледнеющую Карину, то на мужа, который облокотился о стену и поднял взгляд в потолок. В моей груди горит праведный гнев, который делает мой голос слишком уверенным.

– О, а мой-то тоже спёр все деньги, что мы на мотоцикл с люлькой копили три года, да Нюшке своей подарил! Гадёныш! – восклицает бабулька, что сидит с внуком возле прививочного кабинета.

– Ой, а можно не ругаться при детях! – возмущается мать троих детей, зажимая уши самому младшему трёхлетнему карапузу.

– Да пусть знают, как в жизни бывает! – кричит бабулька на мамашу.

– Это вы решайте за своих внуков, а не за наших детей, – рычит долговязый папаша с младенцем на руках.

Поднимается невообразимый гвалт и шум. Врач выглядывает из кабинета и громко призывает всех к порядку.

– Оля, нам надо серьезно поговорить, – муж хватается за руку и тащит в сторону выхода.

Глава 11

Муж больно сжимает руку и тащит меня подальше от толпы. Я чуть ли не падаю вместе с ребёнком, не могу так же быстро идти, как он. Выходим из поликлиники. Заворачиваем за угол.

– Коля, отпусти! Больно! – кричу я в его широкую спину.

Муж перестаёт нас тащить. Сынок заглядывает в глаза и целует в щёчку, прижимаясь ко мне всем тельцем. Мы на пустыре за поликлиникой. Громко стрекочут кузнечики. Пахнет нагретыми на солнце цветами шалфея. Я мысленно готовлюсь к худшему. Коля поворачивается ко мне, солнце сзади освещает его редящие на макушке темные волосы. Я понимаю, что это уже совсем не тот человек, которого я полюбила одиннадцать лет назад.

– Наконец можно поговорить без свидетелей! Оля, что за сцену ты устроила? Себя позоришь, и меня тоже решила опозорить перед коллегой? – в его глазах мелькает что-то пугающее.

– Я что, должна спокойно смотреть, как ты мне изменяешь? Докатился до того, что флиртуешь с ней прямо у меня на глазах, – я в недоумении смотрю на мужа, продолжая обнимать сына ставшими вдруг ледяными пальцами, – Для нас у тебя вечно нет денег. Мы, значит, выживаем. Я лишнюю игрушку не могу купить сыну. А для неё не жалко отдать все наши накопления?

– Я тут зарабатываю все деньги, пока ты сидишь в декрете на моей шее! – муж угрожающе шагает ко мне. – Я ими и распоряжаюсь как хочу! А что насчёт Карины... Всё равно у тебя постоянно голова болит!

– То есть изменил ты, а виновата я? – смотрю на мужа, не в силах переварить его слова. – Я сижу на твоей шее? Вот это ты заговорил! А то, что я готовлю каждый день, убираюсь, стираю, значит за труд не считается?

Я сажусь на скамейку, сажаю сына рядом с собой, стигаюсь в беззвучных рыданиях. Маленькие пальчики крепко хватают ворот моей футболки, так, что я чувствую боль от ноготков.

– Мама... – почти беззвучно произносит Ваня. Обхватываю ребёнка рукой и крепче прижимаю к себе.

Я чувствовала себя замужем за Колей, как за каменной стеной. Морок спал, вместо стены – чистое поле. Боль разрывает мою грудную клетку изнутри.

– Ну что ты ревьешь, Оля, как маленькая, – его тон чуть смягчается, он наклоняется и смотрит мне в глаза. Я отвожу взгляд. Сынок отталкивает его ладошкой. Он такой маленький, а уже как будто всё понимает.

– Коля, я уйду от тебя. Ты пожалеешь, что обидел меня, – я тороплюсь сказать до того, как слёзы снова задушат.

– Оля, ты вообще что ли не в себе? Ты истеричка, вот ты кто! У тебя ребёнок! Ты подумала, где ты будешь жить? – муж берёт меня за плечи и чуть встряхивает. – Разве это причина для того, чтобы всё разрушить?

– Ты уже всё разрушил, Коля! Не я! – я понимаю, что тут уже ничего не склеить. Не у меня было право свободного выбора. Он всё решил за нас обоих.

– Ладно, разбирайся сама, раз не хочешь сохранить семью.

Я молча смотрю, как он поднимается, разворачивается и уходит размашистой бодрой походкой. Не оглядываясь. Это добивает меня.

Дрожащими руками я достаю из сумки телефон, вызываю такси. Такси приезжает спустя полвечности, я сажаю ребёнка в детское кресло. Ванечка тянет ручки ко мне, хнычет, не хочет отпускать. Целую его в щёчку. Пристегиваюсь и достаю телефон, чтобы позвонить.

Глава 12

Я думаю несколько минут, кому же позвонить?

Подруге не до моих проблем, ей своих хватает. Мать сгрызёт меня заживо из-за моих ошибок. Мужу? Ни за что на свете. Отцу – тоже нет. Я вообще боюсь говорить ему о своих проблемах ещё с раннего детства, потому что тогда меня ждал ремень или подзатыльник.

Мне некому звонить, кроме этого симпатичного, но такого вредного взломщика!

Я нахожу в истории звонков вчерашний номер с бумажки, нажимаю дозвон. Каждый длинный гудок заставляет чуть вздрогнуть, сердце стучит где-то в горле.

– Привет, Оля, я уже заскучал, – Игорь берёт телефон после четвертого гудка. – Куда ехать?

– Здравствуй, Игорь. Шевченко, двести восемьдесят семь, четвёртый подъезд, – отвечаю я, еле отлепляя пересохший язык от нёба.

Подъезжаем. «Тесла» Игоря уже стоит возле подъезда. Смотрится очень чужеродно рядом с «Волгами» и классическими «Ладами». Я выхожу из такси, открываю заднюю дверь, чтобы отстегнуть и взять Ванечку на ручки. Игорь выходит из машины, подходит ко мне, слегка касаясь руки, что мгновенно бросает меня в дрожь, забирает Ваню.

– О, пливет, дядя-вентилятол, – Ваня идёт к нему на руки без протестов, сразу его узнает и гладит ручкой по слегка небритой щеке. – У тебя есть сипы!

– Привет, малыш, да, я сегодня немножко колючий! – улыбается Игорь ребёнку.

Я смотрю на них, и глаза начинают предательски мокнуть.

– Ключи от подъезда у меня есть, – выдавливаю я из себя, пытаюсь не расплакаться.

Проходим мимо пустой скамейки, как хорошо, что никого из бабулек нет! Мимо огромного куста сирени и высокого тенистого клёна, клумбы с яркими жёлто-красными гайлардиями и тёмно-розовыми космеями.

Я проваливаюсь в воспоминания. Тут бабушка учила меня кататься на велосипеде. На этом повороте руль у меня повернулся вниз, и я полетела на асфальт. Шрам на коленке остался до сих пор.

А тут я прыгала по шинам, врытым в землю в качестве загородки, и одна из них предательски проваливалась подо мной до самой земли.

Поднимаемся на пятый этаж старой брежневки. Лифта тут нет, в подъезде стоит специфический запах старости, кошачьей мочи и нафталина. Половина стены покрашена в тёмно-зеленый, половина побелена. То и дело на стене выбоины. Зато на каждом окне цветут пеларгонии и узамбарские фиалки.

Бабушка написала завещание на меня, потому что я была единственная, кому было интересно её слушать. Все остальные отмахивались от её рассказов.

Ну и Коле я ничего не рассказала об этом. Потому что мне так сказала мать. Кажется, это было правильным решением. Надеюсь.

– Так, какая квартира? – спрашивает Игорь, отдавая ребёнка мне, закатывает рукава рубашки и открывает свой оранжевый чемоданчик.

– Вот, самая старая дверь из восьмидесятых, не ошибёшься, – отвечаю я, невольно любуюсь на его накачанные загорелые предплечья и умело орудующие инструментом руки.

– Готово, – удовлетворённо хмыкает Игорь, толкая дверь внутрь, – теперь заходите, устраивайтесь, а я установлю новый, чтобы у тебя были ключи.

Всё-то он предусмотрел!

Я отпускаю сына, он бежит и прыгает на старой бабушкиной кровати с панцирной сеткой. Я обессиленно опускаюсь на старинное кресло.

– Все, я закончил, – Игорь протягивает мне связку новеньких ключей. – Эх, тут у тебя ни стиралки, ни кровати нормальной, ни чайника, ни телевизора.

Он подходит к холодильнику, включает его. Тот заводится как трактор.

– Ну ладно, сейчас всё сделаем, – Игорь садится в кресло, пальцы быстро бегают по экрану смартфона.

Я смотрю на его высокий лоб, восточно-карие глаза, четко очерченные скулы, густые темные волосы. Как же он хорош... Нет, я не должна так на него смотреть! Особенно, сейчас, когда моя жизнь разрушена. Отворачиваюсь.

Через двадцать минут курьер привозит пиццу, воду в пятнадцатилитровой бутылке и электрический чайник.

Я ставлю чайник, пока сын уплетает пиццу.

Не успели мы доесть пиццу и дождаться чая, в дверь стучат грузчики сначала со стиралкой, потом с телевизором, потом с кроватью.

Игорь по-деловому распоряжается, открывает свой волшебный чемоданчик, устанавливает стиралку, вешает телевизор на стену, предварительно проверив специальным прибором, нет ли там проводки, собирает кровать, кладёт матрас и постель. Я в шоке от его умений!

– Игорь, спасибо тебе огромное, я твоя должница, – говорю я ему тихо. Я правда не знаю, что бы делала без него.

Меня прерывает громкий стук в дверь, и доносящиеся из-за неё нечленораздельные крики.

Глава 13. Игорь

Я жду её звонка с самого утра. Как же бесит. Взял бы да привёз её к себе. Да, очень неправильная мысль, но я ж мужик!

О, если бы она только знала, как много она для меня значит!

Пару лет назад я добился того, чего всегда хотел. Но понял, что мой мир стал пуст. Цель достигнута. У меня столько денег, что я могу больше пальцем о палец не ударить. Они всё равно не закончатся. Тогда почему у меня такая пустота в душе? Почему больше ничего не хочется?

Наткнулся на её блог случайно. Вроде бы ничего особенного. Но скоро я стал начинать день с её смешных заметок. Кофе и блог. Утро за утром. Я вновь обрёл вкус жизни. Я предлагал ей прочитать книги. Те, которые перевернули мой мир. Она читала. А потом писала об этом заметки. И благодарила меня.

Однажды она опубликовала фото. Всего одно фото. На нём не было видно лица. Только теплые зеленые глаза. Она улыбалась под медицинской маской. Я влюбился в её глаза. Моя любовь, на расстоянии, так и осталась бы без ответа. Мучила бы меня до конца моих дней.

Но я решил с ней встретиться. Как же сложно было найти её! Всего по одной фотографии. Не зная фамилии. Только имя. О-л-я... Как приятно, когда звуки её имени перекатываются по языку. Я нашёл её! Теперь у меня есть шанс на её любовь.

Беру трубку. Её голос взволнован. Этот мерзавец её обидел! Я так и знал. Лечу к ней.

Взламываю замок её квартиры, потому что она позвала меня помочь. Смотрю, с какой благодарностью она смотрит на меня. Но она всё ещё меня боится. Не хочу её пугать.

Оглядываю её стройную спортивную фигуру. Красивые светлые волосы. Длинные точёные пальцы. В груди мгновенно теплеет. Что это со мной?

Хорошо, ишу, как облегчить её жизнь. Зачем она хочет жить в этой дыре? Переезжала бы сразу в мой особняк. Нет, я её знаю, она откажется. Слишком правильная. В реале она видит меня в третий раз в жизни. Она не знает, что именно я был тем комментатором. А я знаю её уже очень давно и хорошо.

Ладно, денег мне не жаль. Сейчас порешаю все эти мелкие проблемы.

Так, а кто там кричит за дверью? Открываю.

– Где моя жена?! – кричит огромный мужик с багровым лицом.

– Вы кто такой? – сжимаю челюсть, смотрю на него, как на ничтожество.

– А, извините, видать ошибся подъездом, – мужик тушуетсЯ под моим свирепым взглядом.

– Внимательнее надо быть, – отрезаю безапелляционно и уже хочу захлопнуть дверь перед его носом, как любопытный Олин сынок подбегает к двери.

– А, значит я всё-таки не ошибся. Я оставил жену с сыном у поликлиники буквально на десять минут, а теперь они в её квартире с вами, – мужик с вызовом смотрит мне в глаза. – Вы кто такой вообще и что здесь делаете?

– Игорь Градов, инвестор, владелец риэлторского агентства, – перехожу на профессиональный холодный тон. – С вашей супругой мы сейчас решаем профессиональные вопросы по поводу её недвижимости.

– Оля, что всё это значит? – мужик угрожающе шипит.

– Коля, ты нас бросил там, это ты называешь оставил на десять минут? Как какие-то вещи? – Оля подходит и берёт испуганного мальчишку на руки.

– Пойдём домой, ну что ты творишь, Оля? – мужик протягивает руку. – Давай поговорим без свидетелей.

– Без свидетелей мы уже говорили, Коля. Я до сих пор с отвращением вспоминаю твою бодрую походку, когда ты решил вдруг нас там бросить.

– Вы слышали, да? Уберите руку, я закрою дверь, – спокойно говорю я мужику, хотя чувствую, что челюсть сжата так, что ходят желваки.

Захлопываю дверь перед его носом. Похоже, останусь тут на ночь, Олю нужно защитить.

– Оля, я сейчас позвоню твоей маме, – кричит мужик, – и в полицию!

Глава 14

Мне так больно от того, что Коля так быстро нашёл меня в моём больше не тайном убежище. Что толку, что я сбежала. Сбежала из любимого дома, от своего маленького райского уголка с благоухающими цитрусами, фигами, киви и журчащим фонтаном. А теперь вынуждена ютиться в старой квартире с газовой плитой и деревянными окнами. Всё теперь, кажется, было зря.

Почему он виноват, а бегу я? Я чувствую, как под рёбрами до боли всё сжимается.

– Не грусти, Оль, прорвёмся! – Игорь выглядит необычайно бодрым, глаз горит.

– Я не боюсь полиции. Что они сделают собственнице квартиры? – я вздыхаю прерывисто, как будто лёгкие разучились сразу раскрываться полностью. – Я боюсь, что сюда приедет моя мама. Кстати, наверно, именно от неё он узнал, что я здесь!

Игорь тоже меня беспокоит. Какую цель он преследует, я пока не могу разгадать. Он, конечно, очень любезен, но я чувствую себя во всё большем долгу перед этим, в сущности, малознакомым мужчиной. Как-то неловко от всего этого. Рядом с ним я чувствую себя спокойно, но так быть не должно! Это всё неправильно и непонятно.

Я зову сына купаться. Запираюсь в ванной. Пока он плескается со старыми флакончиками из-под советских шампуней, я смотрю на себя в зеркало. Одни глаза остались! Лицо осунулось, под глазами пролегли темные тени. Я же ничего толком не ем, и даже не хочется. И спать спокойно не могу. Надо сходить в аптеку за ромашковым чаем, а лучше - чабрецовым! И сварить куриный бульон.

Сажусь на закрытый унитаз и обхватываю голову руками. Только не это! Тянущая боль пульсирует над левым глазом, отдаваясь в зубах, как будто мне пора к стоматологу на удаление нервов всех верхних зубов слева. Затылок тяжелеет.

Вытаскиваю сына из ванны несмотря на протесты. Нет, истерику я сейчас не выдержу, пожалуйста, не надо! Достаяю из сумки обезболивающее, только бы не слишком поздно!

– Игорь, пожалуйста, поиграй с Ваней, я немного прилягу.

У меня есть только один выход – довериться своей чуйке. Хотя с Колей она меня уже подвела.

Я зарываюсь в пухлые подушки, пахнущие нафталином. Накрываюсь гобеленовым покрывалом с розами. Качаюсь на пульсации боли, как на волнах, которые уносят меня всё дальше и дальше из этой паскудной реальности.

Медленно выныриваю из беспамятства от прикосновения теплой руки к моему холодному лбу. Нехотя открываю глаза. Игорь сидит рядом со мной на краю кровати и гладит меня по голове. Ванечка свернулся калачиком и тихо сопит, прижавшись ко мне спиной. Обнимаю ребёнка. Тепло разливается по всему телу на мгновение, пока я не вспоминаю, что я не дома

у бабушки, что мне уже тридцать пять, а не пять, что пока ещё не бывший муж меня предал, что в моей жизни бардак и нужно решать проблемы. Но хотя бы боль отступила.

– Оля, как ты? Ты бредила во сне, – голос Игоря опять вызывает тёплую волну, которая было погасла при встрече с реальностью.

– Уже намного лучше, – я через силу улыбаюсь пересохшими губами, – что же я наговорила?

– Что всё это зря, – смеётся Игорь, – ничего не зря, Оля! Я наконец-то тебе смог понастоящему помочь.

От его смеха мне становится не так мерзотно на душе. Кончики губ сами тянутся вверх, лицо расслабляется. Я тут же напрягаю плечи. Не расслабляться!

Он так смотрит на меня своими карими глазами. Я замечаю в этом море цвета чёрного чая переливающиеся зеленью «снежинки». Его рука легонько гладит мою голову и шею. Тело становится странно наэлектризованным. Я чуть отстраняюсь, это уже слишком. Но тень прикосновения продолжает чувствоваться на коже.

– Хочешь пить?

Утвердительно киваю. Он уходит на кухню, гремит там посудой.

– Вот, – протягивает он стакан с водой. – Оля, не хочешь поехать в мой дом?

Глава 15

От его вопроса я поперхиваюсь водой. Кашляю так, что вот-вот выплуну лёгкие. От этого Ванечка просыпается и плачет. Его вопрос меня настолько ошарашил, что я даже рада, что кашель даёт мне время промедлить с ответом.

Игорь аккуратно стучит мне по спине своей широкой ладонью. Я зажимаю рот руками, чтобы остановить надоедливый кашель. В горле першит так, как будто туда насыпали пыли со стекловолокна. Что мне делать? Под рёбрами возникает пустота, как будто я взлетела на качелях и падаю вниз.

Наконец я кое-как отдышиваюсь и вновь могу говорить.

– Игорь, я очень тебе обязана. Я не знаю теперь, чем отдавать этот долг, – говорю я медленно, боясь, что першение опять вернётся.

Замечаю, что от каре-зелёных радужек Игоря остались только узкие полоски – настолько расширились его зрачки.

– Что ты, Оля! Это мой тебе подарок. Ты ничего мне не должна. Я предлагаю тебе пере- ехать исключительно потому, что думаю: тебе у меня было бы лучше, чем в этой старой квар- тире, – Игорь отводит глаза и еле заметно вздыхает.

– Извини, Игорь. Я понимаю, что ты хочешь мне помочь, только не понимаю, почему, – я наклоняю голову и смотрю на его помрачневшее лицо и опустившиеся загорелые руки с выступившими венами и четко очерченными суставами.

– Я и сам не понимаю, что на меня нашло, – Игорь опускается на кровать рядом со мной, по-прежнему не поднимая взгляда.

Сын с любопытством смотрит на него, а потом на меня.

– Впрочем, ладно, у меня есть пара дел в агентстве, я уеду ненадолго, – Игорь подмиги- вает мне в своей обычной, немного раздражающей манере. – Если придёт твой муж с полицией или мамой, позвони мне, ладно, Оля?

Он заглядывает мне в глаза, я вижу зелёные снежинки в море чёрного чая, тепло разли- вается по груди, по рукам. Напрягаю спину, чтобы отогнать это наваждение.

Он уходит, стараясь не оглядываться. Сын машет ему рукой. Я запираю дверь изнутри, прислушиваясь к стихающим шагам по лестнице. По телу пробегает дрожь, как от холодного ветра.

Достаю из пакета спички. Неловким движением ломаю первую. Вторая гаснет, не успе- ваю поднести её к открытому газу. Слишком много лет прошло с тех пор, как я зажигала эту газовую плитку первый раз. Привыкла к своей индукции там, дома, где теперь одинолично цар- ствует этот изменщик Коля.

Слёзы катятся по щекам. Наконец получается зажечь конфорку.

«Но на кухне синим цветком горит газ...» – пропеваются голосом Цоя в сознании строки, слышанные тысячи раз.

Нет, не таких перемен я хотела. Не таких.

Достаю маленькую эмалированную кастрюлю с цветочком. Помню, как бабушка варила мне в ней манную кашу. Она у неё всегда получалась без комочков. Эх, бабуля, как бы мне помог твой мудрый совет!

Наливаю воду из пятилитровки, потому что вода из-под крана нещадно пахнет хлоркой.

Вспоминаю, как бабушка рассказывала о том, как её бабушка угощала их, детей, кипятком, потому что больше ничего не было. Зря я разнюнилась. Всё не так уж плохо. По лицу пробегают мелкие мурашки, как будто бабуля чмокнула меня в лоб.

Достаю куриные ножки, дожидаясь, пока вода закипит, кладу их в кипяток. Чищу морковь и лук. Да, лук помогает, гонит слезу из уже высохших глаз.

Ванечка нашёл мой старый альбом с рисунками и ручкой пририсовывает моим лошадкам и самолётикам свои каляки-маляки.

– Мама, смотри, я нарисовал тлавку! – подбегает ко мне сынок, протягивает альбом.

Я поднимаю его на руки, смотрю в теплые зелёные глазки, такие же, как мои.

– Умничка, сынок! Завтра покажешь ребятам в садике.

Всё, суп-лапша готов. Сынок бросает свои каляки и, смешно орудуя ложкой, ловит лапшинки и тащит их в рот. Я тоже впервые за долгое время могу наслаждаться едой.

Иду мыть посуду, открываю кран, а он шипит, как бешеная кошка. Горячую воду отключили. Как всегда не везёт. Достаю большую эмалированную кастрюлю, опять зажигаю газ.

Завтра надо просыпаться рано утром и везти сына в садик. Потом ехать на работу, чтобы написать заявление на выход из декрета. Больше всего не хочу при этом увидеть Колю. Да и Карина вовремя уволилась, совсем не хочу видеть эту крысу. А вот Анфису Павловну придётся видеть довольно часто, она начальница нашего бюро труда и зарплаты. При мысли об этом внутри всё сжимается и становится трудно дышать.

Вдруг в тишине раздаётся негромкий, но требовательный стук в дверь.

Глава 16

Я автоматически снимаю кипящую кастрюлю с огня, ставлю её в раковину. Ещё не хватало попасть в новостные сводки, как нерадивая мамаша, ребёнок которой обварился.

Почти неслышно крадусь к входной двери, заглядываю в глазок и вижу свекровь. Она нервно озирается по сторонам и стучит снова. Эх, да когда же эта семейка оставит меня в покое! Притвориться, что никого нет дома?

Тут Ванечка вылетает из комнаты и с разбега врывается в дверь, хохоча и визжа во весь голос. Да уж, тут уже не притворишься.

– Здравствуйте, Анфиса Павловна, – я отпираю дверь и впускаю её. – Какими судьбами в наших краях? Будете чай? У меня, к сожалению, только зелёный с жасмином.

– Да, конечно, Оля, здравствуй, – Анфиса Павловна ищет глазами какой-нибудь пуфик, чтобы разуться, вздыхает, не найдя, и с трудом наклоняется, стаскивая туфли.

Ванечка кружится вокруг, притоптывая и пританцовывая.

– Бабушка плпехала! Любимая бабушка! – пропевает он на манер какой-то детской песенки. – А тьто ты мне плпвезла?

Я смотрю на вмиг посерьезневшего ребёнка и взрываюсь смехом.

– Ванечка, привет, я привезла тебе вкусные яблочки! Только надо теперь встать нормально, – свекровь охает и застревает в полунаклоне.

– Яблочки, яблочки! – поёт ребёнок и убегает на кухню с таким топотом, как будто пробежал не почти трёхлетка, а табун жеребят. Бедные соседи снизу.

Я несколько секунд смотрю на беспомощную пожилую женщину с сочувствием.

– Простите, пока у меня не так уютно, как хотелось бы, – помогаю ей разогнуться и беру из её рук авоську с яблоками.

– Да уж, не знаю, что ты так спешно решила переехать, – Анфиса Павловна качает головой. – Измена изменой, а такой реакции на неё никто из нас не ожидал.

Мои пальцы сжимают ручку авоськи до побелевших костяшек. Холодная усмешка чуть искажает моё лицо.

Её взгляд натывается на новую стиральную машину в туалете, которая выглядит, скажем так, инородно в этом застывшем в девяностых интерьере.

– Ого, а ты заранее подготовилась к побегу. Как сумела только? – глаза свекрови округляются.

Объяснять это действительно долго. Пусть думает что хочет. Впрочем, какая теперь разница.

– Я теперь быстро решаю проблемы, – ставлю я точку в этом допросе.

– Оля, ну ты всегда была похожа на оленёнка Бемби, я тебе даже завидую. – она качает головой и шагает на кухню. – Скромняшка, тихушка, слова поперёк никогда не скажешь. А взяла и сбежала от мужа, видать в твоём тихом омуте черти водятся.

– Так, сейчас я налью чаю, – я иду ставить чайник, ополаскиваю заварочный чайничек с нарисованной клубникой, насыпаю в него крупные скрутки зелёного чая.

По маленькой кухне разносятся ароматы яблок, которые Анфиса Павловна достала из авоськи, и жасмина в чае. Ставлю на стол тарелку с печеньем и пастилой. Мою яблок и складываю их в глубокую тарелку.

Наконец, всё готово. Я сажусь, беру яблоко, нарезаю его себе в чай.

– Хотите, нарежу яблоко в чай? – наблюдаю, как она накладывает в чай три ложки сахара и с трудом их размешивает.

– Нет, никогда не понимала этой твоей манеры. Лучше плесни молочка, – свекровь справилась с сахаром и потянулась к пастиле.

Наливаю ей молока в чай и смотрю вопросительно.

– Анфиса Павловна, вы так и не сказали, о чём хотели со мной поговорить, – я отпиваю чай, вдыхая аромат кусочков яблок, плавающих в бокале, и смотрю на сына, который рисует мелками на побеленной кухонной двери.

Она потирает жилистые сухие руки и щёлкает суставами пальцев. Я её ещё такой не видела. В обычное время она бы уже ругала внука за то, что он рисует где-то кроме альбома.

– Если вы пришли сказать что-то важное – говорите. Я слушаю, – смотрю прямо в её прозрачные серые глаза, такие же как у Коли.

Она быстро отводит взгляд.

– Мне очень стыдно перед тобой, я даже не знаю как начать, – голос свекрови чуть хрипит, а у меня пробегает холодок по спине, но я не показываю вида. – Это произошло десять лет назад, сразу после вашей с Колей свадьбы...

Глава 17

Из черной кожаной сумки Анфиса Павловна достаёт файл со слегка пожелтевшим листом бумаги и протягивает мне.

Я беру файл.

Ванечка хватает дольку яблока и снова бежит рисовать на двери.

Мои руки чуть заметно дрожат. «Договор дарения» – читаю крупный заголовок. Быстро сканирую документ взглядом, всматриваюсь в размашистую подпись мужа и скромно-аккуратную подпись свёкра. Кладу документ на стол, потому что пальцы непроизвольно сжались и начали его мять.

– Что всё это значит? – мой голос звучит жёстче, чем я бы того хотела.

– Оля, ну ты же всё прочитала? Зачем я буду это пересказывать? – свекровь с облегчением откидывается на спинку стула, как будто выполнила миссию.

– Значит, вы десять лет назад решили подстраховаться, – начинаю говорить медленно, чуть растягивая слова. Чувствую, как холодеют пальцы.

– Да, чтобы дом достался только Коле в случае чего, – Анфиса Павловна вдруг сильно заинтересовывается нарезанным яблоком на блюде. – но мы думали, это всё останется в тайне, потому что вы проживёте с ним всю жизнь.

– И поэтому ваш покойный муж якобы подарил своему сыну всю сумму, которую мы отдали за дом? – я вытаскиваю бумажку из файла, как будто надеюсь прочитать на ней что-то другое. – Несмотря на то, что мои родители подарили нам ровно половину этой суммы?

Перед глазами проносится воспоминание, как мы открывали копилку после свадьбы. Там были хаотично набросаны тысячные купюры от друзей. И лежали две солидные пачки денег – одна перевязанная розовым бантиком, на которой красовалось выведенное округлым аккуратным маминым почерком «Олечке и Колечке на дом!». И вторая, такая же по размеру, но оставшаяся без милых надписей.

– Да, я же говорю, мы надеялись, что вы будете жить душа в душу, и договор так и будет пылиться в папке, ненужный, – свекровь говорит с такой интонацией, как будто хочет уговорить ребёнка съесть манную кашу с комочками. – Кто ж мог подумать, что ты уйдёшь от Коли? Так влюбленно смотрели друг на друга, как голубки.

«Как голубки». Кривлю губы в горькой усмешке.

Я давлюсь комом в горле. Чувствую, как подступают слёзы. Так хочется закрыть глаза. Коля был самым высоким и плечистым на том майском сборище завода. Я до сих пор помню, каким взглядом он смотрел на меня, когда пел Цоя под гитару.

– Ну и дураки же мы! – я с горечью качаю головой, мышцы под рёбрами привычно заходятся в спазме. – Надо было тоже быть продуманнами, подсуетиться и оформить бумажки. А я всё думала любовь, доверие, одна семья!

Я рву бумагу, закусив нижнюю губу до боли. Но знаю, что это бесполезно. Второй экземпляр всё равно где-то у него.

Обрывки падают на пол. Пальцы дрожат. Ванечка подбирает бумажки и смотрит на меня вопросительно. Меня обдаёт жгучая волна стыда. Я смотрю на сына и забираю у него бумажки.

– Но мы же и так останемся одной семьёй? Ванечка же навсегда мой внук, – Анфиса Павловна смотрит на меня широко открытыми глазами, которые чуть заметно блестят.

Я молчу и не знаю что сказать. Горько сжимается всё внутри от того, что предали моё доверие. Уже так давно. Я столько сил вложила в дом, который оказался не нашим.

Тут в дверь стучат. Иду открывать.

– Здравствуйте, вам букет от Николая! – улыбается кудрявый парень лет двадцати.

Я чуть вздрагиваю от неожиданности.

– Спасибо! – беру букет из пяти крупных белых роз, завёрнутых в шуршащий целлофан.

– До свидания, – произношу скороговоркой и побыстрее закрываю дверь.

Мой мир только что рухнул, и никакие цветочные веники этого не исправят.

– Что, Коленька всё-таки решил извиниться? – Анфиса Павловна с любопытством заглядывает в букет.

Я ишу куда поставить букет. Наконец беру банку из-под огурцов. Больше не во что.

– Коля так редко дарил мне цветы, что совсем забыл, что я люблю эустомы, – вздыхаю я, водружая банку с розами на подоконник.

Сажусь за стол и смотрю сквозь белые розы в банке из-под огурцов. Внутри пустота и холод.

Тут раздаётся мелодичный звонок. Работает, надо же.

Бросаю взгляд на банку с розами. Открываю дверь, а там рыжий веснушчатый курьер, едва видный из-за огромного букета розовых эустом.

Глава 18

Я аккуратно забираю букет у курьера и обнимаю свои любимые цветы, закрывая глаза и зарываясь в них лицом. Губами, щеками, лбом чувствую нежные щекочущие прикосновения лепестков и еле уловимый аромат. Кружусь, обнимая букет, не замечая, как опираюсь на дверь спиной, замок защелкивается. Вспоминаю, что забыла что-либо сказать курьеру. Ну и ладно.

Открываю глаза и рассматриваю букет, будто хочу сохранить образ каждой прекрасной эустомы где-то в самых глубоких архивах души. В середине букета нахожу и поддеваю пальцами картонный квадратик с нарисованным от руки вентилятором. На обратной стороне карточки размашистым почерком написано: «Прости за ту неловкость».

Игорь. Ну конечно же это он. Ну надо же, он запомнил, что Ванечка называл его дядей-вентилятором. Наверняка, и я сболтнула и не заметила про то, что люблю эустомы.

Теплота разливается вокруг сердца. Я вспоминаю ласковый взгляд его карих глаз, пока он гладил меня, когда я проснулась после приступа головной боли. Такой заботливый Игорь, играл с Ванечкой, дал мне поспать.

Слышу шуршащие шаги за спиной. Плечи напрягаются и ползут вверх в оборонительном жесте.

– А что это у тебя тут такое? – голос свекрови почему-то берёт верхние противные ноты.

Быстро прячу карточку в карман брюк. Поворачиваюсь и вижу как расширяются и блещут глаза Анфисы Павловны.

– Вот это букет! – она сначала широко улыбается, а потом резко поджимает губы. – И кто же тебе его подарил, интересно? Явно не Коленька.

Я бросаю быстрый взгляд на Коленькин веник из роз в банке из-под огурцов. И опять люблю прекрасным облаком розовых эустом от Игоря.

– Понятия не имею, – я пожимаю плечами, не хочу говорить об Игоре с почти бывшей свекровью.

– Ну и ну, – свекровь качает головой, нахмурившись. – Впрочем, прости, что отрываю. Я рассказала тебе ещё не все плохие новости.

– Анфиса Павловна, что может быть хуже новости о вашем подлом договоре?

– Начальство решило, что замещающий тебя мальчик справляется лучше. Поэтому тебе нужно выйти на место аппаратчицы водоочистки, – свекровь смотрит куда-то в пол и старается говорить как можно мягче. – Правда, в том корпусе нет уборщицы. Тебе предложат внутреннее совмещение.

– Да уж, «обрадовали», – я чувствую, что к горлу подступает тошнота. Нет, только не это! Я хотела выйти из декрета в привычную обстановку, а теперь ничего не выйдет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.